

Е.В.Максимов

О КОНТАКТАХ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ С ЗРУБИНЕЦКИМИ ПЛЕМЕНАМИ СРЕДНЕГО ПРИДНЕПРОВЬЯ

EV.Maximov. On Contacts between the Central European Population and Zarubintsy Tribes on Middle Dnieper.

The article deals with the materials of Central European cultures of the third century BC to the second century AD and, in particular, with the materials of Pomorsk, Jastorf and Przeworsk cultures which are found on the settlements and cemeteries of Zarubintsy culture in the Middle Dnieper area. These materials indicate an active influence of these cultures through trade and by direct presence of representatives of these Central European cultures in Zarubintsy cultural environment which can be interpreted as results of their numerous migrations to the territory of the Dnieper area and further eastward during the whole period of their existence. These migrations caused considerable changes in cultural and ethnic environment in the mentioned region and influenced the whole development of the historical process in Zarubintsy cultural area, as well as outside its limits, both in the period of its formation and in the periods to come. All these factors determined the flow of the historical process to a great extent.

Население Среднего Приднепровья в течение латенского и раннеримского периодов европейской истории находилось под сильным воздействием центральноевропейских племен. Это воздействие было и в период формирования зарубинецкой культуры, вследствие чего в зарубинецкой керамике, погребальном обряде, украшениях и некоторых других элементах культуры заметны отдельные черты центральноевропейских, в том числе — и германских древностей.

Это обстоятельство во многом способствовало появлению в европейской научной литературе гипотезы, согласно которой создателями зарубинецкой культуры являются именно германские племена, переселившиеся во II-I вв. до н.э. со своей европейской родины в Приднепровье.

Германская гипотеза о происхождении зарубинецкой культуры нашла своих последователей и в среде отечественных ученых, в том числе и К.В.Каспаровой. Правда, вначале она разделяла точку зрения Ю.В.Кухаренко, согласно которой создателями зарубинецкой культуры были поморско-клевшевые племена бассейна Вислы, переселившиеся на юго-восток, в районы Припятского Полесья, где они в конце II в. до н.э. и трансформировались в зарубинецкую культуру, распространившуюся затем и в Приднепровье (Кухаренко 1964: 54). Позднее этногенетические разработки К.В.Каспаровой приобрели новые акценты, и главная роль в этом процессе отводилась уже западным соседям поморцев — германским ясторфским племенам, продвигавшимся на юго-восток, смешавшимся в

верховьях Одера и Вислы с местным поморским населением и пришедшим затем в Приднепровье (Каспарова 1981: 57-79; 1992: 289-301), где и возникла зарубинецкая культура.

Эта версия, также как и гипотезы других исследователей, придерживающихся сходных позиций (Щукин 1994: 115; Еременко 1997: 79-201; и др.), естественно, нуждается в дальнейших разработках.

Степень участия поморско-клевшевой и ясторфской культур в создании зарубинецкой культуры может быть прежде всего установлена при определении территории культурогенеза и фактов существования здесь контактов между культурами-субстратами и вновь возникающей зарубинецкой общностью.

Что касается поморско-клевшевой культуры, то её памятники периода становления зарубинецкой общности в пределах зарубинецкой ойкумены почти не известны. Лишь в бассейне Западного Буга и по берегам Горыни встречены остатки нескольких, главным образом ранних, небольших памятников этой культуры (Никитина 1965: 194-205), хотя её ареал, по мнению В.В.Седова, мог охватывать Припятское Полесье и Волынь (Седов 1979: 49: рис.7).

Вместе с тем обращают на себя внимание выводы С.П.Пачковой, сопоставившей поморско-клевшевую и зарубинецкую керамику и установившей удивительно большое — до 20% — совпадение их форм (Пачкова 1992: 265-287).

Этот феномен — отсутствие контактов между субстратной поморско-клевшевой культурой и её производной — зарубинецкой культурой, при наличии значительной близости их керамики

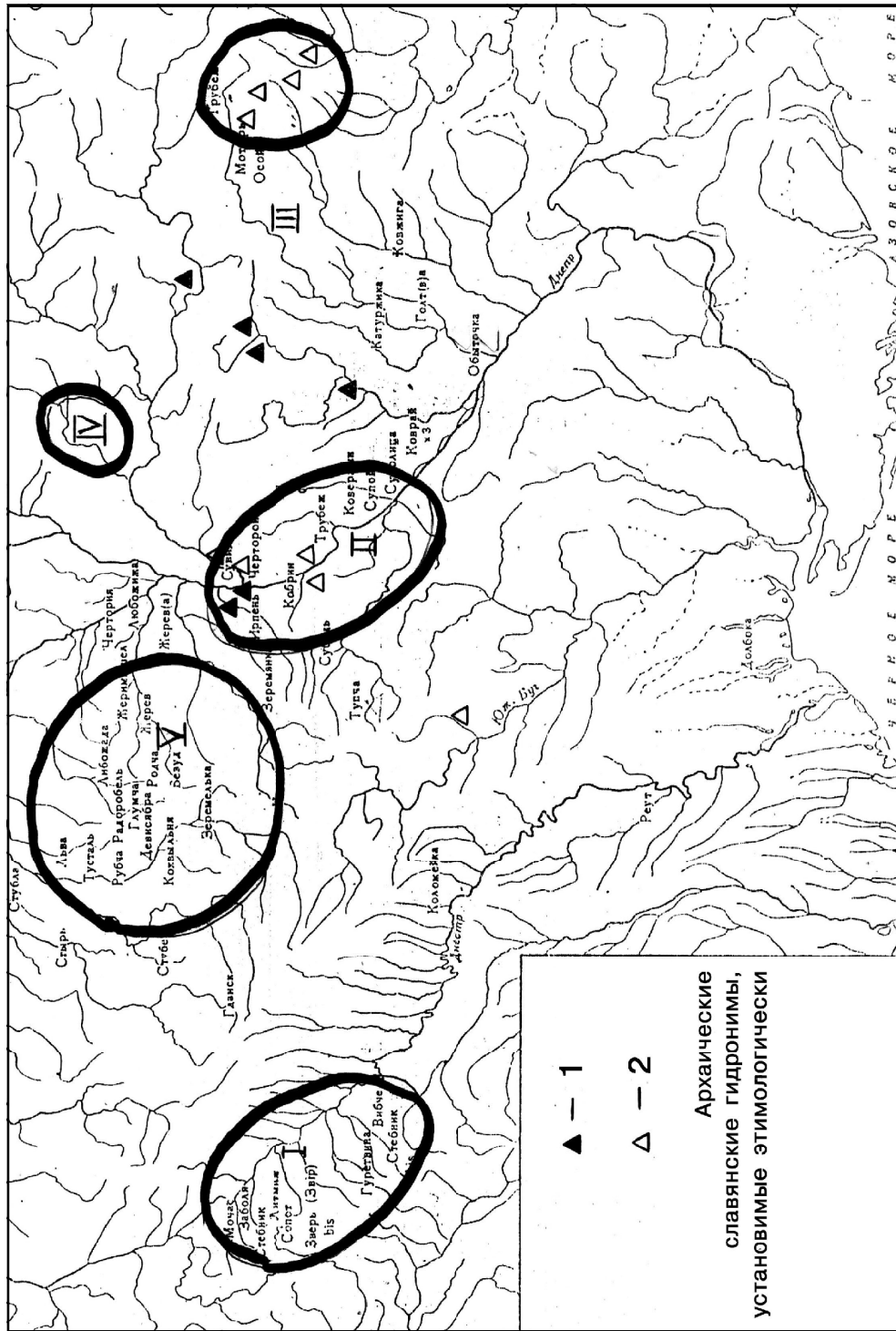
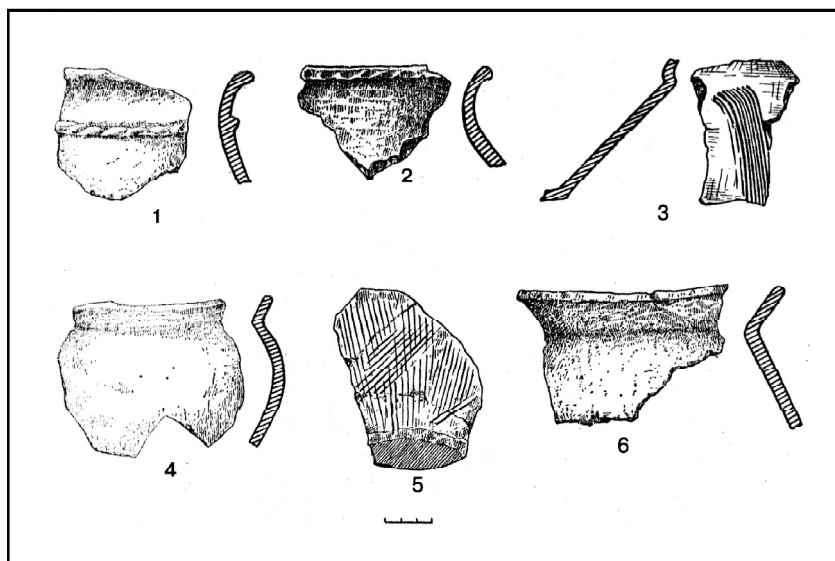

Рис. 1. Архаические славянские гидронимы (по О.Н.Трубачеву) и районы распространения археологических памятников Украины рубежа нашей эры:

- I — Верхнее Приднепровье, область пшеворских памятников I-II вв.н.э.;
- II — Среднее Приднепровье, регион зарубиной культуры конца III в. до н.э. — I в.н.э.;
- III — Днепровское Левобережье, район местонахождения пшеворско-зарубиных памятников типа Картамышево 2 — Терновка 2;
- IV — памятники Почепского типа на Верхней Десне;
- V — памятники Зубрицкого типа Восточной Подолли;
- 1 — некоторые памятники центрально-европейского облика III-II вв. до н.э.: Казаровичи на р. Ирпень, Юрковица-Киев, Харьека на р. Сейме, Басовка на р. Суле;
- 2 — некоторые памятники пшеворско-зарубиной культуры: Халтыновка на Десне, Таценки на Стугне, типа Картамышево 2 — Терновка 2 в Днепровском Левобережье.

Рис. 2. Находки с поселения Казаровичи на р. Ирпень.

ческих форм, можно было бы объяснить тем обстоятельством, что зарубинецкая культура могла сформироваться непосредственно в поморско-клевшевой среде. Однако более реалистичным представляется предположение, что в период возникновения зарубинецкой культуры уже существовала какая-то ясторфско-поморская общность, о возможности которой говорила, в частности, и К.В.Каспарова, отмечавшая, что почти все типы зарубинецких сосудов, находящие аналогии в поморско-клевшевых материалах, известны также и в культурах ясторфского круга (Каспарова 1992: 297).

Археологические материалы Приднепровья, выходящие за пределы обычных для этого региона раннезарубинецких древностей, указывают на наличие здесь европейских компонентов раннего времени.

Так, в Киеве, на прибрежном холме Юрковица, обнаружены остатки поселения, уничтоженного в конце XIX в. при устройстве карьера для добычи глины. Культурный слой поселения был скрыт и вывезен в овраг, ограничивающий Юрковицу с севера. Здесь находилось до 5 тыс. обломков столовой и кухонной посуды, фрагменты эллинистических амфор, биконические прясла, ножи с горбатой спинкой, бронзовый проволочный и спиральный браслеты, пастовая глазчатая бусина, наконечник дротика, бронзолитейный тигель, круглый гранитный снаряд для пращи, куски железных шлаков. Кухонные горшки были с гладкими стенками, или же хруповатые, орнаментированные по краям венчика ямками или насечками. Чернолощенная керамика представлена обломками горшков и мисок с небольшими остроугольными ручками высокого качества изготовления. Датировать памятник можно на основании находки бронзового трехгранного наконечника стрелы с внутренней втулкой конца III в. до н.э., а также фрагмента бронзовой проволочной фибулы среднелатенской схе-

мы с шариком на спинке, возможно, аналогичной фибуле из Любошице (Каспарова 1992: рис.4,10).

Ещё одним европейским памятником можно считать поселение в пойме р.Ирпень, имевшее небольшой культурный слой. Здесь открыто срубное жилище квадратной формы (4,2 x 4,3 м) с углубленным до 0,6 м от современной поверхности полом и остатками очага в центральной части, близ которой найдены железное шило, прясло, обломки сосудов, кости животных. Аккуратно изготовленные округлобокие горшки с низкими плечами имели плавно или резко отогнутые венчики, орнаментированные по краю слабо вдавленными ямками, или расчлененным валиком по шейке, ниже которого стенки были хруповатыми, или с гребенчатыми расчесами. Таковую же орнаментацию имела и часть стенок чернолощенных мисок (Максимов 1972: 21-23, табл.1).

Другие подобные памятники известны на территории днепровского Левобережья, в нижнем течении Сейма, притока Десны. Здесь, близ г.Путивля, у с.Харьевка Д.Т.Березовец, а позднее — И.И.Артеменко, А.М.Обломский и Р.В.Терпиловский открыли более десятка небольших поселений и остатков жилищ, в культурном слое которых находились обломки простой и чернолощенной посуды, эллинистических амфор, прясла, наконечник копья. Чернолощенные горшки имели хруповатые стенки и лощение под венчиком и над дном. Остроплечие миски и округлобокие вазы отличались наличием граненого венчика. Найденные здесь ручки, венчики и ножки косских эллинистических амфор указывают на конец III — начало II вв. до н.э. (Максимов 1972: 55, табл. XXII; Обломский, Терпиловский 1994: 41-51).

С этими поселениями можно связать находку в том же районе семи экземпляров шарнирных корonoобразных шейных гривен, ясторф-

ское происхождение которых не вызывает сомнений (Щукин 1994: 119: рис.46).

К памятниками этого круга относится и уникальный по своей форме и орнаментации горшок-урна из разрушенного погребения, обнаруженного на дюнах поймы Сейма близ с.Пересыпка (Кухаренко 1970: 33-34).

Кроме Посеймья, на Левобережье европейские материалы были найдены В.А.Ильинской на Суле, в верхней части культурного слоя скифского городища в с.Басовка. Отсюда происходят обломки превосходно лощеных мисок, в том числе — и острореберных, а также кружек с маленькой ручкой и граненым венчиком, горшков со стенками, покрытыми рустом или расчесами гребнем, орнаментированных по краям венчика ямками. Найдены также биконические прясли, украшенные врезными изображениями свастик, бронзовый рубчатый браслет, средне-латенская проволочная фибула без иглы с насечками по приемнику, железный наконечник копья, фрагменты фасосских и коских амфор, в том числе с клеймом на ручке, определяющих раннюю дату этого поселения второй половиной III в. до н.э. (Максимов 1972: 56,

табл. XXIII).

Кроме этих поселений в Приднепровье известно несколько пунктов с аналогичными или близкими к ним материалами, происходящими из отдельных погребений или небольших могильников; последнее обстоятельство указывает на кратковременность пребывания здесь населения, находившегося, по-видимому, в движении.

К числу таких памятников относится с.Трахтемиров, расположенное на правом берегу Днепра. Здесь случайно выявлено трупосожежение с глиняными сосудами, в одном из которых были пережженные кости. Из этих сосудов два хранятся в Киевском историческом музее: чернолощенный горшок с четырьмя налипными валиками в форме подковок на корпусе и двумя параллельными валиками по шейке и острореберная миска с высоким дном (Максимов 1972, табл. II, 10, 11). Ещё один чернолощенный горшок-урна с «подковками» на корпусе, заполненный пережженными костями, обнаружен в Киеве, у истоков р.Лыбедь (Шовкопляс 1969: 79). В с.Михайловка, в верхнем течении р.Тясмин, в кургане, раскопанном В.В.Хвойкой, находился чернолощенный горшок и два бронзовых рубчатых

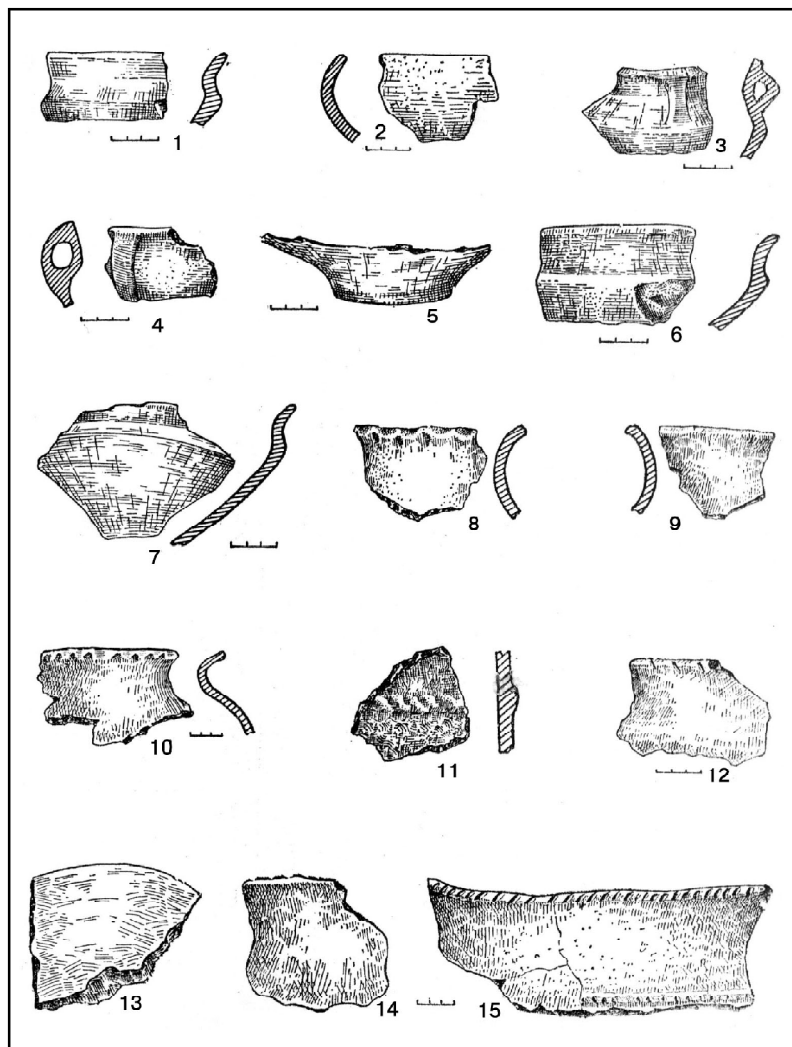
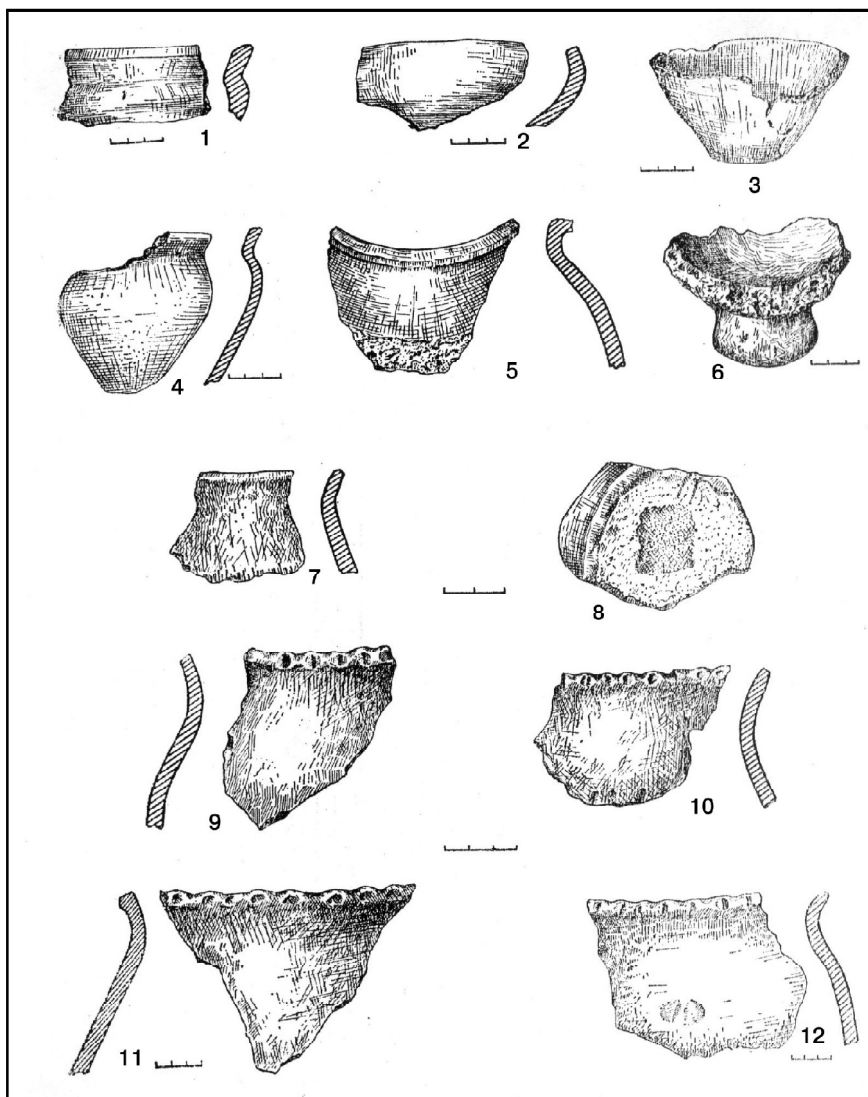

Рис. 3. Керамика поселения Юрковица в Киеве.

Рис. 4. Керамика поселения Харьевка на р. Сейм.

браслета (Максимов 1972: 57).

Близ Днепра, в устье р.Псел у сёл Верхняя Мануйловка и Дьяченки в курганах эпохи бронзы найдены два впускных погребения — трупосожжения, с сосудами, «напоминающими зарубинецкие». Кроме сосудов, в Верхнемануйловском захоронении находились еще две средне-латенских фибулы, наконечник копья и бусы (Махно, Самойловский 1959: 21).

В г.Лубны на р.Суле, также левом притоке Днепра, в урочище Замок, в кургане высотой 1 м, на уровне дневной поверхности обнаружено кострище, в котором, кроме пережженных костей человека и козы, были чернолощеные миска и горшок с четырьмя дуговидными налипными валиками, курильница и обожженные стеклянные бусы (Махно 1965: 185).

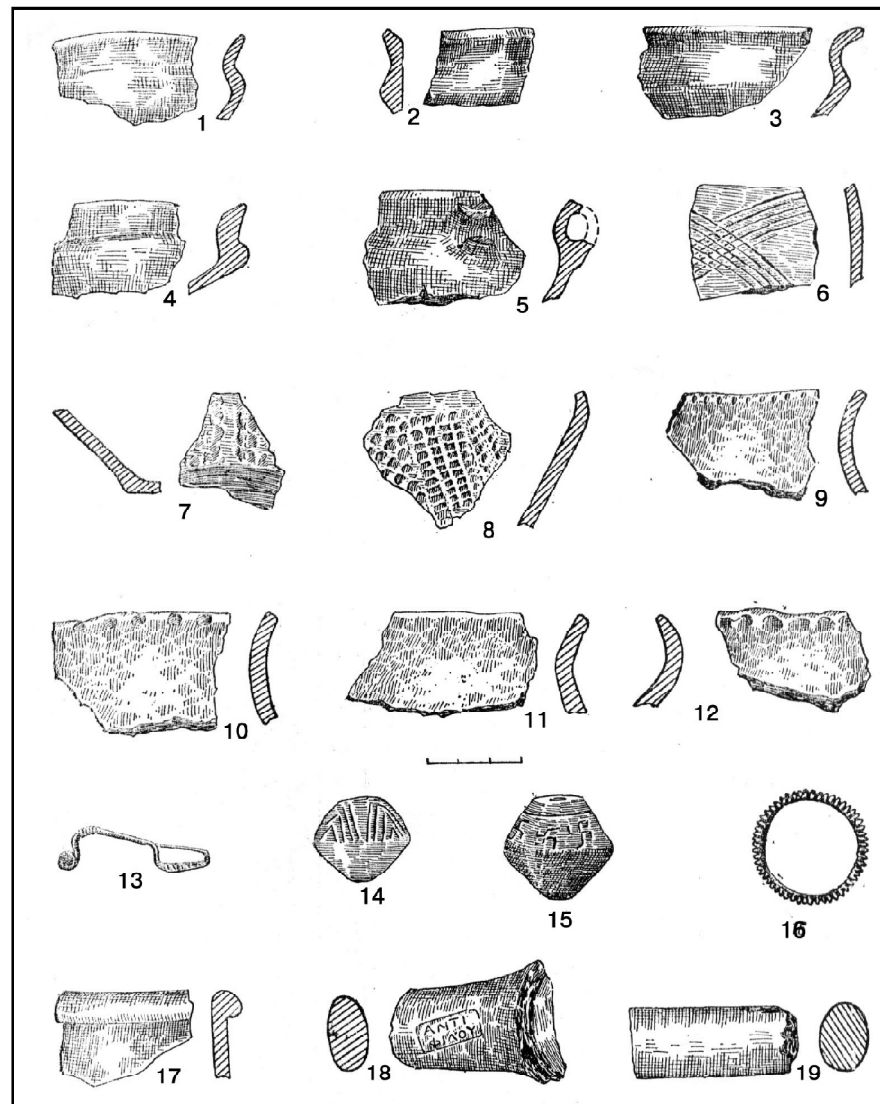
Кроме поморско-ясторфских материалов, в пределах зарубинецкой ойкумены известны также более поздние материалы пшеворского типа.

Пшеворская культура, возникшая на территории Висло-Одерского междуречья, в центральной и южной Польше, почти одновремен-

но с зарубинецкой культурой, отличалась от последней по меньшей мере двумя особенностями. Во-первых, она была отчетливо выраженной синкретической, полиэтнической культурой, объединявшей несколько различных по своему этническому составу хотя и близких по уровню социально-экономического развития, общностей: коренную славянскую, известную по памятникам поморско-клевшевой культуры, и мигрировавших с запада и северо-запада кельтскую и германскую, определяемых по памятникам латенского и ясторфского типов. С течением времени своё место заняла и смешанная этно-культурная группа (Русанова 1990: 119-135).

На территорию пшеворской культуры практически непрерывно, с небольшим историческим интервалом, накатывались волны германских переселений, во всяком случае в течение позднелатенского — раннеримского времени отмечены три такие волны, прошедшие соответственно в конце II в. до н.э., затем в I в. до н.э. и во второй половине I в.н.э. (Русанова 1990: 120),

Рис. 5. Материалы
верхней части
культурного
слоя городища
Басовка на р.
Сула.

докатившиеся и до Украины — Приднестровья и Приднепровья.

Эта миграционная активность во многом способствовала возникновению второй особенности пшеворской культуры, а именно оформлению четко выраженной военно-социальной структуры, отражением которой, помимо прочих черт, является наличие оружия в погребениях. Подобное явление отмечено и в других, более ранних и более поздних культурах, но в Европе этого времени пшеворское общество по своей военной силе и социальной организованности следует признать уникальным (Щукин 1994: 107).

В Украине пшеворские памятники появляются впервые в Верхнем Приднестровье в начале I в. до н.э. В эту местность носители пшеворской культуры переселились из Юго-Восточной Польши — Мазовии, создав здесь наиболее восточный для этого времени регион пшеворской культуры (Козак 1984: 36-45), который и стал плацдармом для дальнейшей пшеворской экспансии на восток.

Следы этой экспансии в Украине, в частности, в Среднем Приднепровье выступают вполне отчетливо. В зарубинецких могильниках и поселениях I-II вв. н.э. встречается характерная пшеворская керамика, предметы обихода, даже оружие, а в домостроительстве, а иногда и в погребальном обряде можно обнаружить пшеворские черты.

Одним из признаков пшеворского присутствия в среднеднепровском зарубинецком регионе следует считать появление небольших пшеворско-зарубинецких могильников, подобных Пуховке, Хотяновке, Вишенкам, Таценкам, Рахнам и другим, менее известным памятникам.

Могильник у с.Пуховка, расположенный в пойме Десны, близ её устья, раскапывал В.В.Хвойка. Обстоятельства раскопок не сохранились. Однако от В.В.Хвойки в Киевский исторический музей поступило пять чернолощенных сосудов из Пуховки, фотографии которых опубликовал В.В.Петров (Петров 1959: рис.10). Из этих сосудов к числу пшеворских принадлежит остроруберная миска на широком и высоком

поддоне (Петров 1959: рис.10, 1), ничем не отличающаяся от миски, найденной в пшеворском погребении начала I в.н.э. могильника Гринив на Верхнем Днестре (Козак 1984: рис.39, 4).

Из пуховских сосудов внимание привлекает и большой чернолощенный горшок, украшенный по корпусу несколькими вертикальными полосами ногтевых вдавлений. В такой же манере выполнены и подковообразные фестоны, расположенные под горизонтальной канавкой, отделяющей венчик сосуда (он не сохранился) от корпуса (Петров 1959: рис.10,4). Горшки такой формы встречаются в материалах находящегося недалеко Корчеватовского могильника (Самойловский 1959, табл.VII,46), однако орнаментация горшка является уникальной. Правда, близкие по исполнению орнаменты из рядов ногтевых вдавлений известны на пшеворских горшках (Славяне Восточной Европы... рис.25,21).

Могильник у с.Хатяновка находился на левом берегу Десны, близ её устья. Здесь было шесть погребений, все они — трупосожжения, с захоронением костей на дне ям. В каждом по-

гребении находилось по горшку и миске, других вещей не было. Из керамического комплекса могильника обращают на себя внимание сосуды, имеющие аналогии в материалах находящегося недалеко Пуховского могильника. Это — острореберная миска на широком и высоком поддоне (Максимов 1972: табл.III,5), и биконический горшок с валиком на шейке (там же: табл.III,8), имеющие аналогии в собственно пшеворской керамике. Близким ей является и горшок с валиками подковообразной формы на выпуклой части корпуса (там же: табл.III, 7).

Уникальной находкой, имеющей отношение к этому могильнику, был древний челн, затопленный, а потом занесенный песком у самого берега реки. Челн был изготовлен из цельного дубового ствола, имел длину 8,24 м и ширину 0,60 м. Д.Я.Телегину, который руководил работами по расчистке челна, не удалось извлечь его в сохранившемся виде, он был разломан на небольшие фрагменты, которые затем деформировались и не дали никакой хронологической информации. О его дате могут свидетельствовать, помимо расположения рядом с мо-

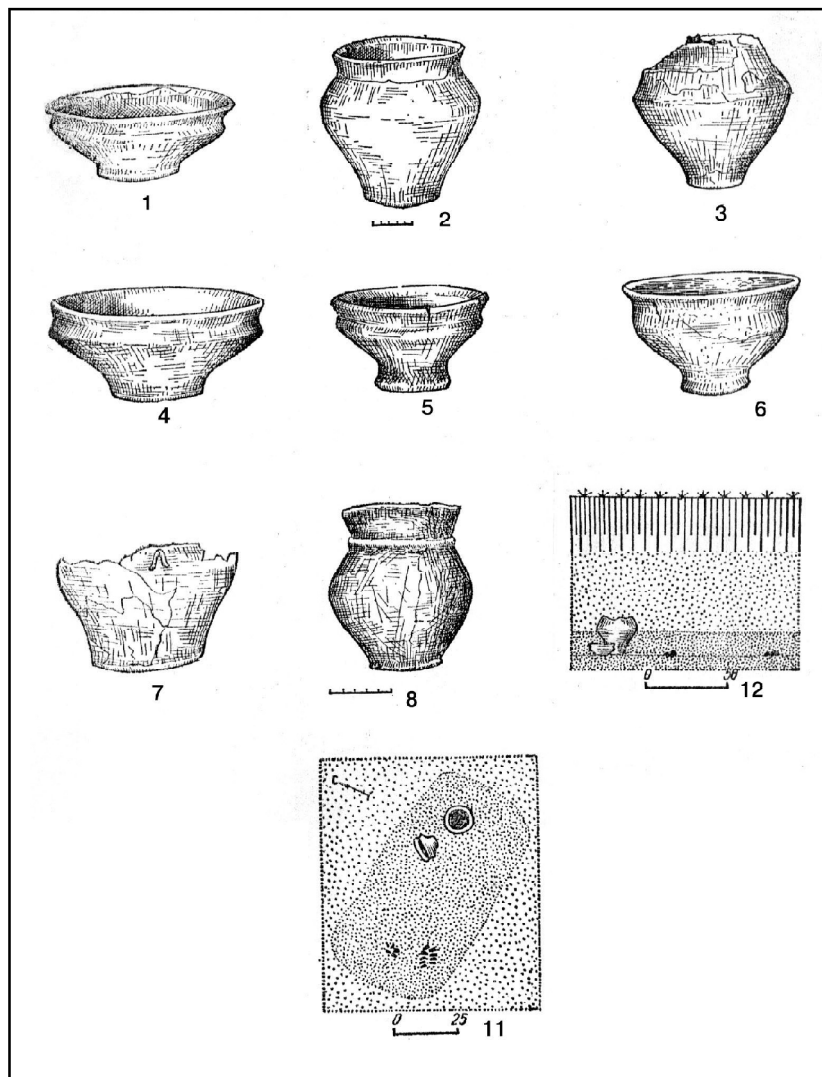
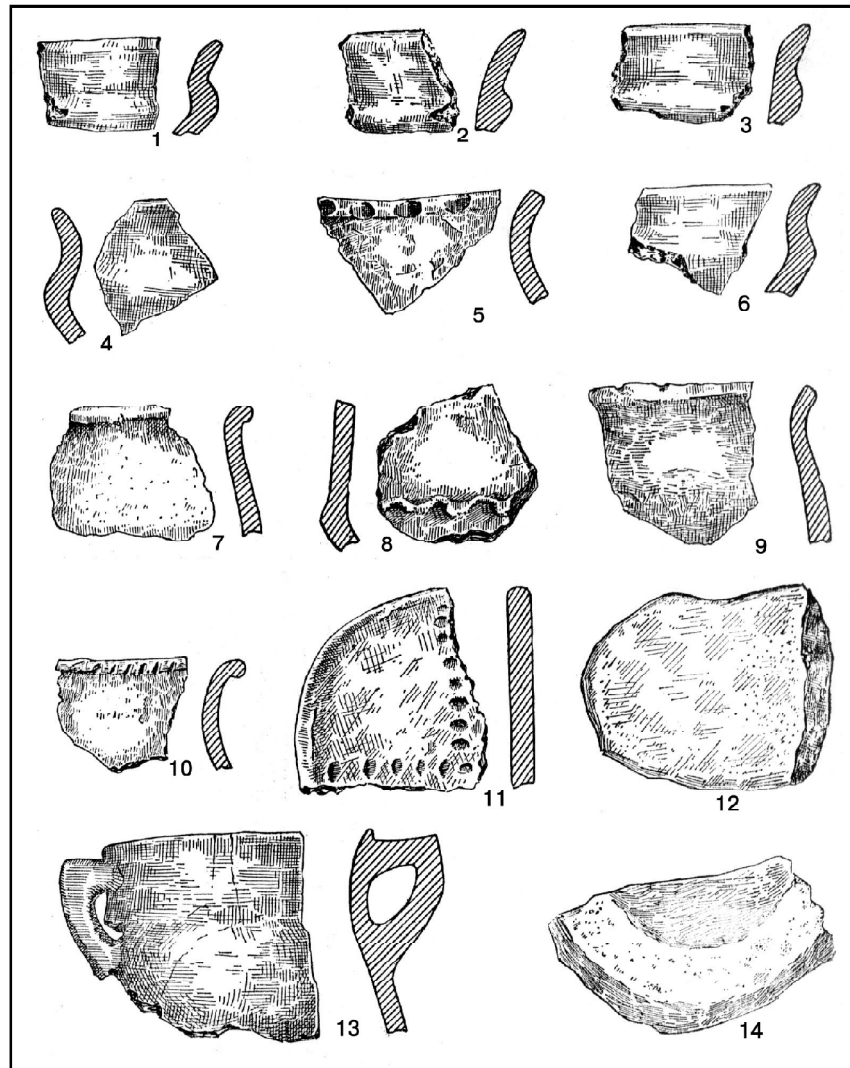

Рис. 6. Керамика могильника Хатяновка на р. Десна.

Рис. 7. Материалы поселения Таценки на р. Стугна.

гильником, найденные в покрывавшем челн грунте 9 обломков зарубинецко-пшеворской кухонной керамики.

Могильник у с.Вишенки находится на дюнах левого берега Днепра, недалеко от Киева. О нем упоминает В.В.Хвойка (Хвойка 1913: 43), хотя сведений о раскопках не сохранилось. Довольно многочисленные материалы из Вишенек, хранящиеся в Киевском историческом музее и опубликованные В.П.Петровым (Петров 1959: 54: рис.6,7), относятся к эпохе бронзы, зарубинецкому и черняховскому времени. К I в.н.э. принадлежат: остроредерная лощеная миска на широком и высоком поддоне типа найденной в Гриневе и Пуховке, два горшка — лощеный и шероховатый с «подковками» на плечиках, кувшин с небольшой ручкой, крупная чернолощеная остроредерная ваза с четырьмя остроугольными ручками, аналогии которой известны в материалах Пшеворского могильника. Здесь же были найдены пять бронзовых фибул средне-латенской конструкции и три булавки с посохо-видной головкой.

На одной из дюн близ этого села С.П.Пач-

кова в 1980-1982 гг. исследовала зарубинецкий могильник с 61 погребениями позднего зарубинецкого времени, имеющими черты сходства с зарубинецкими могильниками Полесского региона (Пачкова 1985: 37), который наиболее близок материалам территории Польши (Каспарова 1992: 28). Исходя из этого, можно предполагать, что пшеворско-зарубинецкие находки из Вишенек и материалы могильника С.П.Пачковой представляют собой явление одного порядка.

Таким же является и могильник у с.Таценки, где в ур.Довжичек, находящемся в 1 км к югу от поселения, встречена керамика типа Вишенек, в том числе и чернолощенная ваза с четырьмя остроугольными ушками (Максимов 1972: табл.ХII, 13). К числу интересных, но случайных находок, происходящих из окрестностей этого села, относится денарий Антония Пия и глазчатая фибула прусской серии (там же: табл.ХIII, 5).

Могильник у с.Рахны находился в верхьях р.Соб, притока Южного Буга, на склоне долины ручья. Здесь П.И.Хавлюк раскопал 12 погребений в неглубоких овальных ямах, на дне кото-

рых лежали многочисленные пережеженные кости без остатков погребального костра и погребальный инвентарь — чернолощенные миски с вертикальным венчиком, кухонные горшки с такой же профилировкой верхней части и расширенным ниже середины высоты корпусом. Встречена античного производства сероглиняная миска с загнутыми в середину венчиком и фрагмент красноглиняной остродонной амфоры I-II вв.н.э. Найдены разнотипные фибулы — одночленные позднелатенской схемы, а также типа Авцисса I в.н.э. и несколько глазчатых II в.н.э. (Хавлюк 1971: 89-95), характерных для европейских культур. Близкие к пшеворским аналогии имеют и горшки с прямым венчиком из рахновских погребений.

На Среднем Приднепровье и Южном Побужье известно до двадцати подобных, но менее известных памятников с небольшим количеством материалов I-II вв.н.э. пшеворско-зарубинецкого типа, о которых упоминают исследователи, начиная от В.В.Хвойки и до современных археологов — информация о них собрана в книге Е.В.Максимова (Максимов 1972: 17-59). Это — берега р.Почайны в Киеве, район Киевского Подола, затем Тетеревка, Лютеж, Ирпень, Грищенцы, Ржищев, Бобрица, Пищальники, Койлов, Рудяки, Пасечная, Хмельна, Кононча, Пастерское — на Днепре и его притоках, Ровец, Остаповцы, Сокольцы, Хутор Карбовский, Игнатовка — на Южном Буге и Собе.

Характеристика материалов, происходящих из этих пунктов, как правило, очень лаконична и не представляет возможности с уверенностью утверждать о зарубинецком, пшеворском или зарубинецко-пшеворском облике этих памятни-

ков. Однако некоторые пункты всё же дают определенную информацию.

Так, из окрестностей с.Грищенцы, что на Каневщине, известно В.В.Хвойке, происходит лощеная кружка черно-коричневого цвета с небольшим ушком, явно зарубинецкого облика, фрагментированная фибула среднелатенской схемы и три сильно профилированных фибулы европейского типа — так называемые фибулы бойев рубежа н.э., совершенно не свойственные зарубинецкой культуре (Петров 1959: 56). Такие фибулы в количестве более 20 экз. встречены в Поднестровье, в районе распространения пшеворских и липицких памятников и, естественно, в Повисленье, где они составляют необходимую принадлежность памятников пшеворской культуры. В Приднепровье фибулы бойев были найдены в Ржищеве, Хмельне, Кононче, Пастерском, недавно две серебряные фибулы бойев были обнаружены в центре Канева, на приднепровском холме в слабо выраженном культурном слое пшеворско-зарубинецкого типа.

Из Пищальников происходит отличного чернотощения острореберная миска с невысоким плоским конически расширенным дном (Петров 1959: рис.9,3). В Ржищеве была найдена (вместе с фибулой бойев) чернолощенная миска с высоким полым дном (Петров 1959: рис.11,1). В Рудяках и Андрусове на Днепре и Пасечной на Трубеже с обломками чернолощенных мисок с прямым вертикальным венчиком найдены фибулы европейского типа II в.н.э. — двучленные, с гребнем на дужке и высоким приемником, известные у нас на Днепре, Нижнем Днепре и в Ольвии (Максимов 1991: рис.2,1,2), а в Бобрице, выше Канева, на берегу Днепра

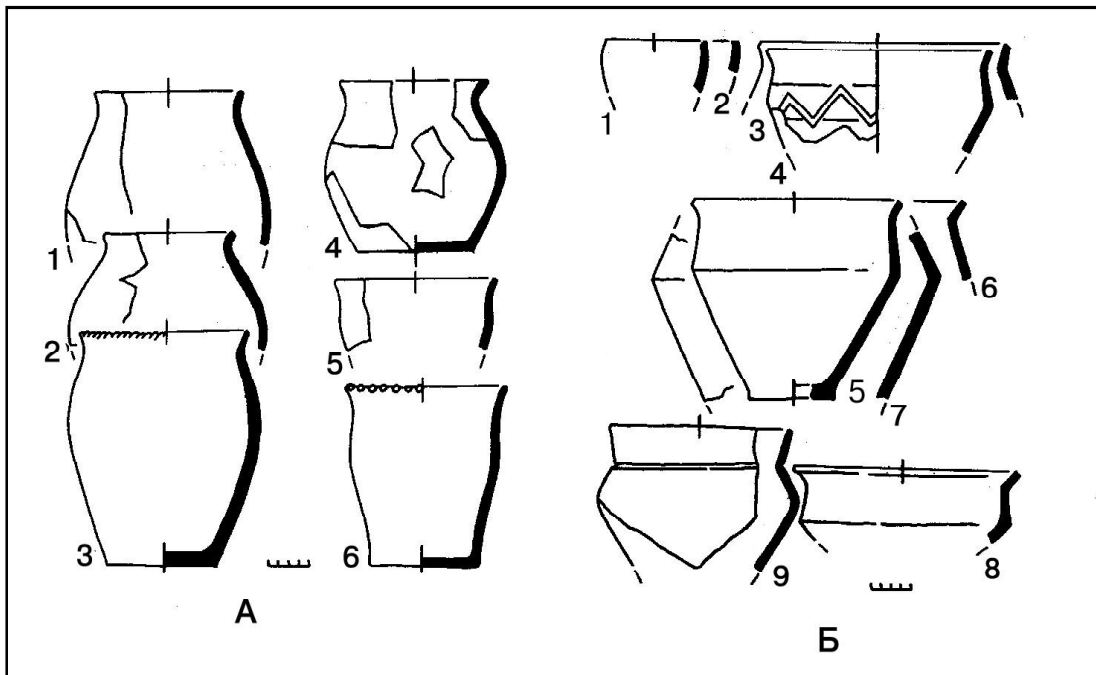

Рис. 8. Нелощеная (А) и лощеная (Б) керамика из поселений пшеворско-зарубинецкого типа в Днепрономском Левобережье.

встретилась большая бронзовая европейская фибула с гипертрофированной треугольной спинкой II в.н.э. и римская шпора (Максимов 1991: рис.2,9,10). Шпоры — предметы, нехарактерные для зарубинецкой культуры, были найдены также на зарубинецком городище Монастырек и селище Оболонь в Киеве (Максимов 1991: рис.2,11,12). На зарубинецких поселениях изредка находят также железные бритвы с изогнутым лезвием, бронзовые рубчатые браслеты, поясные крючки, пинцеты (Максимов 1972, табл.VII,XXVIII), которые оказались здесь, очевидно, вместе с самими носителями пшеворской культуры. Об этом же свидетельствует и появление приемов пшеворского домостроительства, характерной чертой которого было не столбовое, а срубное устройство стен — остатки таких жилых сооружений встречены в поздних, датируемых I-II вв.н.э., зарубинецких селищах Среднего Приднестровья — на Ходосовке, Хотове, Монастырке, Оболони. Среди зарубинецких могильников известны также и погребения, совершенные по пшеворскому образцу, с пережженными ритуальными вещами и разбитой посудой (Рахны).

Появление носителей пшеворской культуры в зарубинецком регионе Среднего Приднестровья способствовало миграции приднестровского населения, возможно, уже в определенной степени интегрированного, далее на восток, прежде всего, на земли Днестровского Левобережья. Другой важнейшей причиной этой миграции следует считать демографический фактор, появление массы избыточного населения, вызванного подъемом экономики местного общества, начавшегося ещё в период расцвета зарубинецкой культуры, в I в. до н.э. — начале I в.н.э.

На это обстоятельство указывает увеличение количества зарубинецких поселений и соответственно — могильников. Так, в течение I в. до н.э. — в начале I в.н.э. на Среднем Приднестровье появилось более 20 новых мысовых поселений — городищ, таких как Бабина Гора, Ходоров, Хотов, Ходосовка, Балыко-Щучинка и др., а в днестровской пойме — не меньшее количество поселений открытого типа, до этого времени вообще не известных на Среднем Приднестровье, таких как Таценки, Ирпень, Лютеж, Оболонь и др. (Максимов 1982: 78,114). Время возникновения всех этих новых зарубинецких селищ твердо определяется найденными на них обломками античных амфор позднеэллинистического времени и фибулами среднелатенской схемы.

О демографическом наполнении приднестровского зарубинецкого общества свидетельствуют и данные могильников. Известно, что к I в. до н.э. относится начало функционирования Корчеватовского могильника, а на Пироговском некрополе, где 198 погребений из 263 были датированы фибулами, более половины их отно-

сятся ко времени подъема зарубинецкой культуры.

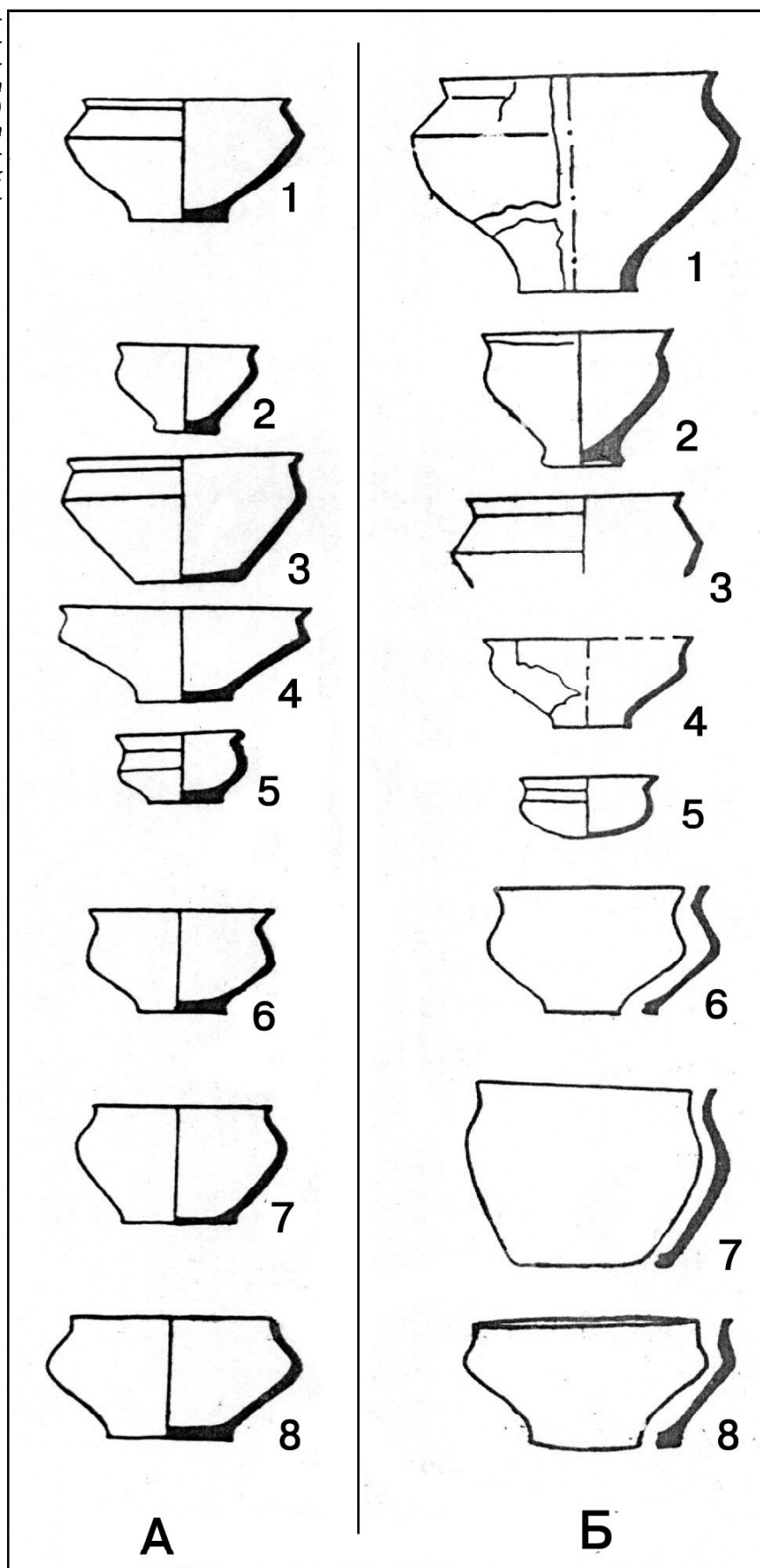
Кроме сооружения новых поселений, зарубинецкое общество освоило пустовавшие до той поры внутренние земли своего региона, расположенные в бассейнах Роси, Тясмина и Южного Буга, где в конце I в. до н.э. — в I в.н.э. появилось более 20 новых поселений типа Межиричей, Суботова, Носовцев, Марьяновки и пр. (Максимов 1972: 17 сл.).

Одновременно с этими событиями продолжалась миграция на восток, а также вызванные ею и другими важными обстоятельствами внешнего и внутреннего порядка значительные изменения этнокультурного облика самого зарубинецкого общества. Этими обстоятельствами были: сарматская агрессия, пшеворская экспансия, а также кризис самой социальной структуры зарубинецкого общества. Постепенно исчезала так называемая классическая зарубинецкая культура, место которой со второй половины I в.н.э. начинают занимать новые этнокультурные образования, имевшие в своей основе зарубинецкое наследие. Это — зубрицкая культура на Волыни и Подолье, в которой интегрировались зарубинецкие, пшеворские и липицкие элементы. Затем — памятники типа Гриней с элементами зарубинецкой и культуры штрихованной керамики, известные в северной половине Украины. На днестровском Правобережье появляются памятники типа Рудяков, сочетавшие южнопшеворские и зарубинецкие черты и в чём-то аналогичные им памятники типа Рахнов на Южном Буге. На днестровском левобережье свое место в верховьях Сейма, Ворсклы и Северского Донца занимает многочисленная (более 20) группа памятников типа Картамышево-2 и Терновка-2, пшеворская суть которых проявляется в распространении жилищ срубной конструкции, в преобладании в керамике острорезных мисок и горшков, украшенных пролощенным орнаментом из свастик и меандра, бронзовых подвесок — лунниц и глазчатых фибул (Обломский, Терпиловский 1991: 22 сл.).

Следует также обратить внимание еще на одну группу памятников, стоящих особняком в числе археологических объектов, но имеющих, по нашему мнению, прямое отношение к рассматриваемой проблеме. Это клады и отдельные находки римских серебряных денариев II в.н.э., топографически и хронологически не связанные с черняховскими древностями. Таких находок в пределах лесостепной Украины сравнительно немного, около 60 (Максимов 1963: 110 сл.; Брайчевский 1959: 118 сл.). Некоторые из этих монетных находок являлись кладами в полном смысле этого слова, поскольку в их составе были сотни и даже тысячи денариев, представлявших огромную материальную ценность.

О происхождении и этнической принадлежности этих кладов II в.н.э. не существует единого мнения. Однако торговый вариант следует с

Рис. 9. Керамика пшеворско-зарубинецкого типа городища Лбище на Средней Волге (А) и могильника пшеворской культуры Спицымеж (Б) — по Г.И.Матвеевой.

самого начала исключить, поскольку торговля в местных экономически слабых общинах была незначительной по объему и носила обменный натуральный характер. Остается такой распространенный в те времена источник, как военный трофей. Он мог образоваться в ходе Маркоманской войны 167-175 гг., когда войска Империи несколько раз терпели поражение от своих варварских противников — германцев, фракийцев и сармат, вследствие чего императору Марку Аврелию приходилось платить большие выкупы. Какая-то часть этих денежных выкупов могла быть принесена в Украину и далее германцами — носителями пшеворской культуры или даже славянами, которые также входили в её состав (Седов 1979: 71; Русанова 1990: 122). Известно несколько находок денариев в зарубинеcko-пшеворских комплексах, в Рахнах, Новых Безрадицах, Таценках, Рудяках, Шестовице, в Киеве на Подоле и др. (Максимов 1963: 115 сл.), подтверждающих высказанную версию.

Говоря о пшеворско-зарубинецкой миграции I-II вв.н.э., необходимо отметить её мощный пространственный размах. Она в своем движении на восток не ограничилась территорией днепровского Левобережья, а продолжалась далее на северо-восток, до бассейна Оки и средней Волги.

Известно, что еще в конце XIX в. на Оке была открыта новая и необычная для тех мест мощинская культура. Формы и орнаментация мощинской кухонной керамики, наличие чернолощеной посуды, железные фибулы римских типов, наконец погребальный обряд трупосожжения — всё это находило аналогии в далёкой зарубинецкой культуре (Третьяков 1977: 235). Только влиянием мощинской культуры можно объяснить появление в соседней по территории дьяковской культуре чернолощеной острореберной керамики и бронзовых украшений с характерным зарубинецким пуансонным орнаментом (Дьяковская культура 1974: рис.9, табл. XXV).

Что касается бассейна Волги, то пшеворско-зарубинецкая миграция достигла здесь района Самарской Луки.

Под влиянием западных пришельцев здесь во II в.н.э. кардинально изменяется комплекс керамики местной городецкой культуры — вме-

сто характерной «текстильной» посуды появляются шершавые и лощеные острореберные и округлобокие сосуды, украшенные насечками по венчику, распространение получают железные дротики и наконечники стрел, одно- и двухлезвийные мечи, удила, пинцеты, крепления ремней, восьмеркообразные пряжки, шпоры, фибулы Авцисса, бронзовые украшения с пуансонным орнаментом, наконец, погребальный обряд трупосожжения с захоронением в овальных и округлых по форме грунтовых могилах, находящиеся прямые аналогии в зарубинецкой и пшеворской культурах (Матвеева 1986: 158-164: рис.1).

Самарская Лука являлась пределом зарубинецко-пшеворского продвижения на восток. Судьба этих западных пришельцев была обычной, они постепенно растворились в местном угро-финском субстрате, хотя особенности их культуры сохранялись здесь еще достаточно долго — до II-IV вв.н.э. в памятниках типа Лбищенска и Славкино и далее, до V-VI вв.н.э., когда в Среднем Поволжье возникла именковская культура, в сложении которой приняли участие потомки племен, оставивших памятники славкинского и лбищенского типов (Матвеева 1986: 166).

Подводя некоторые итоги рассмотрения проблемы контактов между населением Центральной и Северной Европы и зарубинецкими племенами Среднего Приднепровья, нельзя не отметить значительного вклада носителей поморско-клевшевой и ясторфской культур в процесс самого формирования зарубинецкой культуры во второй половине II в. до н.э. и затем влияние пшеворской культуры I-II вв. н.э. в определении исторических судеб позднзарубинецкого населения, его участия в грандиозном миграционном движении европейских племен на восток, вплоть до бассейна Оки и территории Средней Волги.

Представленные в этой статье материалы ещё раз подчеркивают плодотворность идей, высказанных в своё время К.В.Каспаровой и её единомышленниками о влиянии европейских этнокультурных импульсов на ход исторического процесса у племен и народов Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

- Брайчевський М. Ю. 1959. Римська монета на території України. Київ.
 Дьяковская культура. 1974. Сборник статей. М.
 Еременко В. Е. 1997. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. Опыт реконструкции этнополитических процессов III-I вв. до н.э. в Центральной и Восточной Европе. СПб.
 Каспарова К. В. 1981. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // СА. № 2. С. 57-79.
 Каспарова К. В. 1992. О хронологии и связях зарубинецкой культуры // Ziemia polskie we wczesnej erze żelaza i ich powiązania z innymi terenami.

- Rzeszów.
 Козак Д. Н. 1984. Пшеворська культура в Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі. Київ.
 Козак Д. Н. 1991. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н.е. — IV ст. н.е.). Київ.
 Кухаренко Ю. В. 1964. Зарубинецкая культура // САИ. Вып. Д1-19. М.
 Кухаренко Ю. В. 1970. Погребение у с. Пересники // МИА. № 176. С. 33-35.
 Максимов Е. В. 1963. Античний імпорт на Середньому Придніпров'ї в зарубинецький час // Археологія. Т.15. С. 110-122.
 Максимов Е. В. 1972. Среднее Поднепровье на рубе-

- же нашей эры. Киев.
- Максимов Е. В. 1982. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев.
- Максимов Е. В. 1991. Актуальні питання вивчення зарубинецької культури // Археологія. № 4. С. 3-10.
- Матвеева Г. И. 1986. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии нашей эры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.
- Махно Е. В., Самойловский И. М. 1959. Зарубинецкие памятники в лесостепном Приднепровье // МИА. № 70. С. 11-21.
- Махно Е. В. 1965. Похоронки на Замковій Горі в Лубнах // Археологія. Т.18. С. 185-189.
- Никитина В. Б. 1965. Памятники поморской культуры в Белоруссии и на Украине // СА. № 1. С. 194-205.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В. 1991. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В. 1994. Посейм'я у латенський час // Археологія. № 3. С. 41-51.
- Пачкова С. П. 1985. Могильник у с. Вишенки и его место среди памятников зарубинецкой культуры // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М. С. 37.
- Пачкова С. П. 1992. О соотношении поморско-клевшевой и зарубинецкой археологических культур по керамическим материалам // Ziemia polskie we wczesnej epoce żelaza i ich powiązania z innymi terenami. Rzeszów. S. 265-287.
- Петров В. П. 1959. Зарубинецкий могильник (по материалам раскопок В.В. Хвойки в 1989 г.) // МИА. № 70. С. 32-60.
- Русанова И. П. 1990. Этнический состав носителей пшеворской культуры // Раннеславянский мир. Материалы и исследования. М. С. 119-150.
- Седов В. В. 1979. Происхождение и ранняя история славян. М.
- Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. 1990. Киев.
- Третьяков П. Н. 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л.
- Хавлюк П. И. 1971. Пам'ятки зарубинецької культури на Побужжі // Археологія. № 4. С. 84-96.
- Хвойка В. В. 1913. Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторическое время. Киев.
- Шовкопляс А. М. 1969. Памятники зарубинецкого времени в Киеве // МИА. № 160. С. 75-81.
- Щукин М. Б. 1994. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. — I в.н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.